

Научная статья

УДК 81.255.1.802.0

<https://doi.org/10.24866/2949-2580/2024-2/43-57>

Элементы китайской грамматики в современном японском языке

Александр Сергеевич Дыбовский

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Кандидат филологических наук, почётный профессор Осакского университета, доцент кафедры японоведения, dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация. За многие столетия существования Японии на периферии великой китайской цивилизации при посредстве КАМБУНа (漢文) и СО:РО:БУНа (候文) японский язык обогатился многими тысячами китайских заимствований, приобрел значительный арсенал средств китайской грамматики. В статье рассматриваются сохранившиеся в японском языке протокитайские лексические и грамматические единицы. Автор доказывает, что функциональные свойства составных элементов китайских заимствований (КАНГО – 漢語), присущи им имманентно и они обусловлены грамматикой китайского языка. Предметом анализа являются грамматическая структура КАНГО, их функционально-семантические классы, а также некоторые особенности протокитайских фразеологических композитов (СЭЙГО, ЁДЗИДЗЮКУГО – 成語、四字熟語), неразрывно связанных не только с китайской иероглификой и китайской грамматикой, но также с китайской эстетикой, историей и культурой. В японском языке составные элементы КАНГО сохраняют многие исконные функционально-семантические свойства, их функционирование в японском языке в основном соответствует правилам китайской грамматики.

Ключевые слова: китаизмы в японском языке, элементы китайской грамматики, влияние китайского языка на японский, грамматическая структура китаизмов, функционально-семантические классы китаизмов, грамматика протокитайских фразеологических композитов

Для цитирования: Дыбовский А.С. Элементы китайской грамматики в современном японском языке // Дальневосточный филологический журнал. 2024. Т. 2, № 2. С. 43–57.

Original article

Elements of Chinese Grammar in Contemporary Japanese

Alexander S. Dybovsky

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Japanese Studies Department, Professor Emeritus of Osaka University, dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract. For centuries, Japan existed on the periphery of Chinese civilization, acquiring a substantial arsenal of linguistic tools from Chinese grammar in the process of using of Kambun (漢

文) and Sorobun (候文). This article examines the intrinsic properties of Kango (漢語), connecting them to Chinese grammar, the grammatical structure of Kango, their functional-semantic classes, and certain features of proto-Chinese phraseological compounds (成語・四字熟語), which are intimately linked not only with Chinese characters and grammar but also with Chinese aesthetics, history, and culture. In the Japanese language, the constituent elements of Kango retain their original functional-semantic properties; their functioning in modern Japanese generally adheres to the rules of Chinese grammar.

Key words: Chinese-origin lexicon in the Japanese language, elements of Chinese grammar in Japanese, influence of the Chinese language on Japanese, grammatical structure of Kango, functional-semantic classes of Kango, grammar of proto-Chinese phraseological compounds

For citation: Dybovsky A.S. Elements of Chinese Grammar in Contemporary Japanese. *Far Eastern Philological Journal*, 2024, vol. 2, no. 2, pp. 43–57. (In Russ.).

Введение

На протяжении многих столетий японская культура развивалась, впитывая в себя различные элементы китайской цивилизации. Под китайским влиянием формировались японская государственность и право, образование и духовные практики, формы деловой коммуникации и японская художественная литература. Китайский язык – КАМБУН (漢文) – стал первым письменным языком и основой классического японского эпистолярного стиля – СО:РО:БУН (候文). КАМБУН оказал большое влияние на формирование и развитие японского классического литературного языка БУНГО (文語). СО:РО:БУН, в свою очередь, имел решающее значение в формировании современного языка делового общения. Из китайской иероглифической письменности выросли японские слоговые азбуки – КАТАКАНА и ХИРАГАНА, китайские иероглифы стали основой современного японского письменного языка.

После реставрации Мэйдзи (1868) и особенно после поражения Японии во Второй мировой войне (1945) в Японии произошёл цивилизационный поворот – институты государства, а также ценности японского общества стали ориентироваться на атлантическую (европейско-американскую) цивилизацию [4]. Процессы вестернизации развернулись и в японском языке: существенно пополнился слой западных заимствований, английский язык стал оказывать заметное влияние на фонетику, графику, лексику, грамматику японского языка, прочно закрепился в профессиональных жаргонах и сленге японской молодежи. Стала меняться даже сама манера коммуникации японцев [6]. Роль китайских элементов в японском языке изменилась, однако китайская основа – протокитайская лексика и грамматика – во многом сохранилась, в первую очередь, в письменно-книжной речи [7].

В этой статье речь пойдет об особенностях функционирования в современном японском языке китаизмов (КАНГО), элементов китайской грамматики, о влиянии китайского языка на японский. Мы рассмотрим грамматическую структуру КАНГО, их функционально-семантические классы, а также некоторые особенности устройства и функционирования протокитайских фразеологических композитов. В первом разделе этой статьи мы остановимся на грамматических категориях японского языка, сформировавшихся под влиянием китайского, перечислим основные протокитайские сферы японского языка. Во втором разделе рассматривается грамматическое устройство сложных слов китайского (протокитайского, потому

что и китаизмы (КАНГО), созданные в Японии, в своем функционировании во многом соответствуют грамматическим и прочим нормам и закономерностям китайского языка) происхождения, то есть КАНГО.

1. Протокитайские сферы японского языка

В этом разделе статьи даётся краткий обзор грамматических явлений и категорий современного японского языка, восходящих к китайскому языку. Значительная часть из них обычно описывается в грамматиках японского языка [2, 9], вопросы фонетики, а также историю развития японского языка намеренно оставляем за рамками этой работы.

В современном японском языке довольно много протокитайских сфер и явлений. Перечислим основные из них.

(1) Прежде всего следует упомянуть протокитайскую систему числительных японского языка, включая счётные классификаторы (счётные «суффиксы»), в обилии представленные в японском языке. Изоморфность японских и китайских числительных (особенно в письменно-книжном варианте японского языка) бросается в глаза даже при сопоставлении современных языковых форм, например: 三ヶ月アメリカで過ごした (Санкагэцу амэрика-дэ сугосита «Три месяца провел в США») 我在美国呆了三个月 (Wǒ zài měiguó dāile sān gè yuè); 『日本史』の第三章 («Нихонси-но дайсансё: «Третья глава «Истории Японии»») 『日本历史』第三章 (“Ribēn lishi” dì sān zhāng).

(2) Протокитайские элементы словообразования и словоизменения имеют широкое распространение в КАНГО, ср., например: 専門家 сэммонка «специалист», 選手 сэнсю «спортсмен», 帝國主義 тэйкокусюги «империализм», а также 諸国 сёкоку «страны», 諸問題 сёмондай «проблемы», 人的 дзинтэки «гуманитарный», 政治的 сэйдзитэки «политический». Некоторые словообразовательные ряды не очевидны в японском языке из-за неактивности соответствующих словообразовательных моделей, например, непонятно, почему в японском слове 帽子 бо:си «шляпа» используется морфема 子 (си «ребенок»). Однако рассмотрение этого слова в словообразовательном ряду китайского языка – 裙子 qúnzi «юбка, платье», 裤子 kùzi «брюки, штаны; кальсоны; подштанники; трусы», 帽子 màozi «головной убор; шапка, шляпа» – показывает, что мы имеем дело со словообразовательным суффиксом китайского языка 子 (zi), не работающим в японском языке. К протокитайским элементам относятся и «префиксы» отрицания – 不 фу, 無 му, 非 хи, 未 ми, например: 不景氣 фукуэйки «экономическая депрессия», 不器用 фукиё:(-на) «неловкий; неумелый»; 無色 мусёку «бесцветный», 無形 мукэй «бесформенный», 無防備 мубо:би «незащищенный»; 非公開 хико:кай «частный, закрытый», 非科学的 хи-кагакутэки «ненаучный»; 未熟(な) мидзюку(на) «незрелый; неспелый», 未完成 микансэй «незаконченный, незавершённый».

(3) Протокитайский характер имеют некоторые виды редупликации. Приведем несколько примеров.

① 平凡 хэйбон «обычный, заурядный» → 平平凡凡 (...平平凡凡としたサラリーマンの父親も一緒だ Хэйхэйбонбон-тосита сарари:ман-но титиоя мо иссё да «С ней был и отец, по виду – самый заурядный служащий»);

② 明白 мэйхаку «ясный, прямой» → 明明白白 (...ことは、明明白白な次第である ... кото ва мэймэйхакухаку-на сидай дэ ару «...это было совершенно ясно и понятно»);

③ 奇怪 кикай «странный, невероятный» → 奇奇怪怪 (奇々怪々な事件 кикикайкайна дзикэн «самое невероятное происшествие»).

В китайском языке использование форм редупликации более широко и разнообразно, чем в японском языке [17], например, 平平常常 (píngpíng-chángcháng) ← 平常 (píngcháng) «обычный, заурядный»; 普普通通 pǔpǔ tōngtōng ← 普通 (pǔtōng) «обыкновенный, рядовой, простой» в китайском языке широко употребляемы, а в японском не образуются. Последовательная редупликация составных частей адъективных и адвербиальных лексем в китайском языке обычно является средством создания экспрессивных образов [17] (ср. редупликацию в ономатопоэтических словах), например: 高高兴兴出门平平安安回家 (Gāogāo xìngxìng chūmén píngpíng ān'ān huí jiā) «Выходите на улицу с радостью и возвращайтесь домой в целостности и сохранности» [17]. Аналогичное использование редупликации нередко имеет место и в японском языке, например: 私、あの子には、いつも正々堂々としてほしいのよ Ватаси, ано ко-ни ва ицумо сэйсэй-до:до:-то ситэ итэ хосий но ё «Я хотела бы, чтобы этот ребёнок всегда вёл себя честно и открыто» [20].

(4) К протокитайским элементам японского языка следует отнести и так называемые «слитные словосочетания» [10, с. 151]. Для них актуальны правила порядка, пришедшие из китайского языка. Ср. следующие примеры.

- ① 中华人民共和国 (Zhōnghuá rénmín gònghéguó) «Китайская народная республика»;
- ② 中国共产党中央委员会 (Zhōngguó gòngchǎndǎng zhōngyāng wěiyuánhui) «Центральный комитет КПК»;
- ③ 独立国家共同体 *Докурицу кокка кё:до:тай* «СНГ»;
- ④ 北太平洋条約機構 *Кита тайсэйё: дзё:яку кико:* «НАТО».

И китайские, и японские названия в вышеприведенных примерах построены по общим правилам препозиции зависимого компонента и постпозиции господствующего. При переводе китайских терминов на японский язык, а японских – на китайский последовательность компонентов не изменится.

(5) И для китайского, и для японского языков актуальны положения теории так называемой «конверсионной омонимии» [11, с. 96–114]. Как для лексики китайского, так и для КАНГО японского языка обычны конверсионные переходы типа: действие – предмет, предмет – атрибут, атрибут – предмет и т. д., в результате которых создаются омонимы, обладающие разными грамматическими свойствами. Например, КАНГО японского языка 出品 *сюппин* может функционировать в качестве имени со значениями «показ, демонстрация» или «экспонат», а присутствие в структуре этого китаизма глагольного компонента 出 *сюцу* «выходить, исходить» позволяет омониму указанного имени 出品 *сюппин* приобретать значения «выставлять, экспонировать; демонстрировать», например: 1)「初心者におすすめ! オークション出品のグッズ」*Сё-синся о-сусумэ! О:кусён сюппин-но коцу* «Важные моменты выставления товаров на аукционе. Рекомендации для новичков!» (здесь 出品 – имя в конверсионной паре) [15]; 2) 新鮮野菜などを出品 *Синсэнна ясай надо-о сюппин* «Выставляем свежие овощи и тому подобное» (здесь 出品 – глагол в конверсионной паре) [20].

(6) Формы китайской грамматики в обилии присутствуют в **протокитайских фразеологических композитах** (成語・故事成語・四字熟語; далее – ПФК). ПФК в современном японском языке обычно фигурируют в виде одного члена предложения (или его части) в соответствии со своими имманентными свойствами – именными, глагольными, адъективными или адвербиальными, например:

- ① 私は夢を叶えるために東奔西走している *Ватаси ва юмэ-о канаэру тамэ-ни то:хон-сэйсо: ситэ иру* «Верчусь, как белка в колесе, чтобы осуществить свои мечты» (ПФК – часть

составного глагольного сказуемого);

② それからの十三年あまりは、**順風満帆**の幸せな生活がつづいた *Сорэ-кара-но дзю:сан-нэн амари ва дзюнпу:-манпо: ситэ иру* «В последующие более чем тридцать лет продолжалась счастливая жизнь с полными парусами и попутным ветром» (ПФК – атрибутивный именной компонент, приименное определение);

③ 松本清張はいろんなことに、**興味津津**であったようだ *Мацумото Сэйтё: ва иронна котони кё:ми-синсин дэ атта ё: да* «Похоже, что Мацумото Сэйтё ко всему испытывал живейший интерес» (ПФК – часть составного именного сказуемого) [20].

Независимо от синтаксической функции в составе предложения внутри каждого ПФК имеет место сложная синтаксическая организация, обусловленная нормами грамматики китайского языка. В первом ПФК **東奔西走** *то:хон-сэйсо:* «быть (вечно) в беготне» обнаруживается синтаксическая последовательность (сложносочиненное предложение), состоящая из двух сочиненных клауз, построенных по формуле «обстоятельство + предикат, выраженный глаголом». Во втором примере **順風満帆** *дзюнпу:-манпо:* «попутный ветер, полные паруса» – два атрибутивно-именных словосочетания, объединенные копулятивной (сочинительной) связью. В третьем примере **興味津津** *кё:ми-синсин* «вызывающий глубокий интерес» обнаруживается субъектно-предикатная конструкция: существительное **興味** «интерес» в функции субъекта + онома топ **津津** «переполняться, переливаться через край; находиться в состоянии приподнятого оживления» в функции предиката. В ПФК японского языка как бы «законсервированы» формы китайской грамматики. Заметим попутно, что ПФК связаны не только с китайской грамматикой, но и с китайской этикой, эстетикой, историей, всем миром китайской духовной культуры.

(7) Протокитайскими в современном японском языке являются также пространственные, временные и прочие структурно-грамматические показатели («полуаффиксы» [11, с. 115]) **上** -дзё:, **内** -най, **外** -гай, **中** -тю: и т. д. Китайскими моделями определяются правила аббревиации «слитных словосочетаний», например: **北京大学** *Вэйджинг дахуэ* «Пекинский университет» → **北大** *Вейда*; **東京大学** *То:кё: дайгаку* «Токийский университет» → **東大** *То:дай*; **博士論文** *хакасэ-ронбун* «докторская диссертация» → **博論** *хакурон* и т. д. Протокитайскими являются многие модели создания сложных слов и протокитайских 4-компонентных композитов, в том числе ПФК, например: **遠隔教育** *энкаку-кё:ику* «дистанционное обучение»; **經濟新聞** *кэйдзай синбун* «Экономическая газета»; **一所懸命** *иссё-кэммэй* «изо всех сил, усердно», **一期一会** *итиго-итиэ* «единственный в жизни случай; уникальный шанс». Протокитайскими являются рутинные канцелярские обороты типа: **同上** *до:дзё:* «как (сказано) выше», **可否** *кахи* «да или нет», **在中** *дзайтю:* «находится внутри», **以上** *идзё:* (как показатель окончания текста официального сообщения в письменной форме речи), а также изысканные эпистолярные формы начала и окончания текста, например: **拜啓** *хайкэй* «Уважаемый!» - **敬具** *кэйгу* «Преданный Вам», **謹啓** *кинкэй* «Милостивый государь!» – **謹白** *кинпаку* «С почтением сообщаю» (*заключительная фраза в письме к высшему лицу*) и т. д. (см. примеры в [7]).

(8) К протокитайским элементам японского языка относятся некоторые предлоги (**在** *дзай* «находящийся в ...», **於** (*ни*) *ойтэ* кн. «в, на») и союзы - (**それ**) **故** (**に**) (*сорэ*) **юэ** (*ни*) «поэтому», **且** **ㄗ** *кацу* «кроме того; сверх того», **尚且** **ㄗ** *наокацу* «далее, кроме того». Сначала обратимся к предлогам и рассмотрим следующие примеры.

① **他在家工作** (*Tā zàijiā gōngzuò*) «Он работает дома»;

② 在大阪ロシア総領事館 *Дзай О:сака Росиа со:рё:дзикан* «Генеральное консульство России в Осака» [16];

③ 「ロシア語ロシア文学研究」在中 *«Росиаго Росия бунгаку кэнкю:» дзайтю:* «Внутри (конверта) находится (сборник статей) «Исследования по русскому языку и русской литературе»» (надпись на конверте);

④ 这种毒草, 原产於中南美洲 (*Zhè zhǒng dúcǎo, yuán chǎn yú zhōngnán měizhōu*) «Этот ядовитый сорняк произрастает в Центральной и Южной Америке» [12].

⑤ 「と、本田 II」於京都みたて *«То Хонда ни» Кё:то Митака ни ойтэ* «Вот так! Хонда – (версия) II» в Митака – Киото» (рекламное объявление);

⑥ 国際会議 (於東京) において *(То:кё:-ни окэру) кокусай кайги-ни ойтэ* «На международной конференции (в Токио)» [19].

Первый пример иллюстрирует обычное использование предлога 在 в современном китайском языке. Во втором примере – реальное название генерального консульства России в Осака с тем же предлогом. В следующем (третьем) примере представлена надпись на конверте со сборником статей от Японского общества русской литературы (日本ロシア文学会), полученном осенью 2023 года. В четвертом примере приведен короткий фрагмент из книги китайского критика, писателя и переводчика Лян Шицю (1903–1987) 雅舍菁华 (*Yǎ shě jīnghuá*) «Сущности элегантного дома». В цитате используется вышедшая из употребления в современном китайском языке графическая форма предлога 于 (*yú*) → 於 (иное чтение *wū*), которая закрепились в письменной форме японского языка. В пятом примере представлено название выставки декоративного искусства, проходившей в Киото летом и осенью 2023 года (см. полный текст коммерческого объявления в [7, с. 25–26]). Шестой пример заимствован из интернет-дискуссии о том, как следует читать цитируемую фразу по-японски. Из текста дискуссии следует, что выражение 於東京 должно озвучиваться как в КАМБУНе – с изменением последовательности компонентов – ТО:КЁ: НИ ОЙТЭ [19].

Судя по базе данных китайского языка Пекинского университета [12], причинно-следственные союз 故 (*gù*) «поэтому», «а потому» имеет широкое распространение в китайском языке. Генетически связанный с ним союз японского языка (それ) 故 (に) (*сорэ) юэ (ни)* «поэтому, вследствие» используются в письменно-книжных стилях современного японского языка и несколько архаичен. Архаично-книжными в японском языке, по-видимому, являются и два других упомянутых выше протокитайских союза – 且つ *кацу* «кроме того», 尚且つ *наокацу* «далее, сверх того», например: 1) 食わねば死ぬ故、古橋は食物にも興味を持っている *Куванэба сину юэ, Фурухаси ва табэмоно ни мо кё:ми-о моттэ иру* «Поскольку если не есть, то умрёшь, то Фурухаси интересуется и провизией»; 2) 3人とも真面目且つ熱心に取り組んでいるのだが... *Саннин то мо мадзимэ кацу нэссин-ни торикундэ иру но да га...* «Три человека занимаются этим серьёзно, да и самозабвенно, но...»; 3) 詳しく、尚且つ分かりやすく教えて下さい *Кувасику, наокацу вакариясуку оситэ кудайсай* «Пожалуйста, поясните это подробно, а также и понятно!» [20].

В отличие от упомянутых союзов японского языка соответствующие им союзы китайского языка (их китайские этимоны) – 且 *qiě*, 尚且 *shàngqiě* – широко употребимы, и их функционально-семантические свойства более разнообразны [18, 12].

Таким образом, мы можем сказать, что в письменно-книжных стилях японского языка используются не только лексические, но и грамматические средства, заимствованные из китайского языка через посредство КАМБУНа и СО:РО:БУНа в разные исторические эпохи. В этом отношении особенно показательны сложные слова китайского происхождения (КАНГО).

2. Грамматика протокитайских сложных слов японского языка (КАНГО)

В этом разделе мы ставим перед собой задачу проанализировать, как в сложных КАНГО современного японского языка проявляются правила китайской грамматики. В европейской лингвистической традиции о структуре сложных слов принято говорить не в категориях синтаксиса, а в морфологических категориях (основа слова, окончание, парадигма словоизменения, корневые и аффиксальные морфемы). Однако, по свидетельству Н.В. и В.М. Солнцевых [11], «в китайском языке знаменательные морфемы – это либо бывшие самостоятельные слова с определенной грамматической характеристикой, либо самостоятельные слова вне этого сложного слова. Поэтому-то они и сохраняют грамматические свойства в составе сложного слова» [10, с. 117]. Эти грамматические (синтаксические) свойства структурных компонентов сложных слов китайского языка актуальны и для КАНГО японского языка. Поэтому мы будем говорить о структуре сложных КАНГО, пользуясь синтаксическими категориями.

В синтаксических правилах порядка японского и китайского языков есть общие черты (особенно письменно-книжной речи) в том числе и потому, что китайский язык оказывал большое влияние на развитие японского языка на протяжении многих столетий. Однако есть и одно фундаментальное различие, весьма существенное для наших рассуждений, – это позиция дополнения. В японском языке нормой является такой порядок синтаксических компонентов предложения, когда зависимый компонент предшествует господствующему, а глагол-сказуемое располагается в конце предложения. В китайском языке дополнение обычно ставится после глагола-сказуемого, например (ср. с японским переводом после стрелки): 1) 我学中文 Wǒ xué zhōngwén «Я учу китайский язык» → 私は中国語を学びます *Ватаси ва тю:гокуго-о манабимас*; 2) 我在打电话 Wǒ zài dǎ diànhuà «Я звоню по телефону» → 電話をかけています *Дэнва-о какэтэ имас*; 3) 我在家里 Wǒ zài jiālǐ «Я дома» → 私は家に居ます *Ватаси ва из-ни имас*.

Эта особенность китайской грамматики закрепилась в большом количестве сложных слов японского языка, относящихся к КАНГО, например: 1) 開戦 *кайсэн* «развязать войну», 造船 *дзо:сэн* «строить корабли», 返品 *хэмпин* «вернуть товар» (прямое дополнение); 2) 進水 *суйсин* «спустить на воду», 登山 *то:дзан* «взбираться на гору», 着席 *тякусэки* «сесть на место» (косвенное дополнение).

Об отношении морфем в составе сложного КАНГО А.А. Пашковский пишет: «При дополнительно-постпозиционных сложениях главный, процессуальный корень занимает первое место. Он дополнен предметным корнем. Компоненты повторяют в своеобразном виде объектные словосочетания китайского языка» (失血 *сиккэцу* «терять кровь», 改題 *кайдай* «сменить тему», 採炭 *сайтан* «добывать уголь») [10, с. 76].

Авторы грамматики китайского языка [11] выделяют пять типов китайских сложных слов в соответствии со структурной моделью, по которой они образованы, а именно:

- ① атрибутивная модель;
- ② копулятивная модель;
- ③ глагольно-объектная модель;

- ④ «результативная» модель;
 ⑤ субъектно-предикативная модель [11, с. 116]).

Заметим, что все эти типы сложных КАНГО существуют и в японском языке¹ (табл. 1; название пятой группы изменено).²

Таблица 1

Структурная классификация сложных КАНГО современного японского языка

№	Тип структурной модели	Примеры сложных КАНГО
1.	Атрибутивная модель (первый компонент КАНГО является определением ко второму)	和食 <i>васёку</i> «японская еда», 海岸 <i>кайган</i> «морское побережье», 動物 <i>до:буцу</i> «животные», 漢字 <i>кандзи</i> «китайские иероглифы», 園芸 <i>энгэй</i> «садоводство», 新聞 <i>симбун</i> «газета», 漢才 <i>кансай</i> кн. «китайская учёность», 真言 <i>сингон</i> буд. «мантра», 出口 <i>дэгути</i> «выход»
2.	Копулятивная модель (компоненты КАНГО сопологаются, находясь в равноправных отношениях)	男女 <i>дандзё</i> «мужчины и женщины», 矛盾 <i>мудзюн</i> «противоречие», 可否 <i>кахи</i> «плюсы и минусы», 上下 <i>дзё:гэ</i> «верх и низ», 善惡 <i>дзэнъаку</i> «добро и зло», 老若 <i>ро:дзяку</i> «старые и молодые», 闘争 <i>то:со</i> : «бороться» и «борьба», 生活 <i>сэйкацу</i> «жить» и «жизнь»
3.	Глагольно-объектная модель (процессуальный компонент имеет прямое или косвенное дополнение, возможна конверсионная номинализация)	① 帰国 <i>кикоку</i> «вернуться на родину» и «возвращение на родину», 増税 <i>дзо:дзэй</i> «увеличивать налоги» и «увеличение налогов», 服務 <i>фукуму</i> «выполнять служебные обязанности» и «выполнение служебных обязанностей», 育児 <i>икудзи</i> «воспитывать детей» и «воспитание детей»
		② 心配 <i>симпай</i> «беспокоиться» и «беспокойство», 詩作 <i>сисаку</i> «сочинять стихи» и «сочинение стихов», 算出 <i>сансюцу</i> «вычислять» и «вычисление»
4.	«Результативная» модель (первый компонент КАНГО обозначает действие, а второй – его результат)	改良 <i>кайрё</i> : «улучшать» и «улучшение», 減少 <i>гэнсё</i> : «сокращать» и «сокращение», 説明 <i>сэюмэй</i> «объяснять» и «объяснение», 革新 <i>какусин</i> «обновлять» и «обновление», 改善 <i>кайдзэн</i> «усовершенствовать» и «усовершенствование»
5.	Субъектно-предикатная модель (компоненты КАНГО соотносятся как субъект и предикат)	地震 <i>дзисин</i> «земля трясётся», 頭痛 <i>дзуйу</i> : «голова болит», 民主 <i>минсю</i> «народ – господин», 時短 (営業) <i>дзитан (эйгё)</i> : «время короткое», т. е. «(работа по) сокращенному графику (в эпоху пандемии коронавируса)»

Как следует из табл. 1, КАНГО глагольно-объектной модели в японском языке делятся на два класса:

1) построенные по протокитайской модели V + O (с постпозицией дополнения), например: 帰国 *кикоку* «возвращаться в страну» и «возвращение в страну»; 増税 *дзо:дзэй* «увеличивать налоги» и «увеличение налогов»; 動員 *до:ин* «мобилизовать» и «мобилизация»; 登山 *то:дзан* «подниматься на гору» и «альпинизм», 加筆 *кахицу* «дописывать» и «дописывание»;

2) построенные по исконно японской модели O + V (с постпозицией глагольного компонента), например: 心配 *симпай* «беспокоиться» и «беспокойство»; 算出 *сансюцу* «вычислять» и «расчёты»; 詩作 *сисаку* «сочинять стихи» и «сочинение стихов»; 論評 *ромпё*: «дать критический обзор» и «обзор, рецензия»³. Некоторые лексемы, созданные по этой модели,

¹ Вероятно, найдутся соответствия и более подробной классификации В.Г. Горелова [3].

³ Несложно заметить, что в количественном отношении в современном японском языке абсолютно преобладают КАНГО первого типа, т. е. построенные по протокитайской модели.

присутствуют и в китайском языке, например: 算出 (suànchū) «вычислять, производить вычисление»; 自愛 (zì'ài) «любить самого себя» и «самовлюблённость». Однако эта модель не является в китайском языке активной моделью словообразования. В японском же производство китаизмов такого типа подкрепляется активностью этой модели словообразования при создании сложных слов из исконно японской лексики ВАГО (和語), например: 腹切り *харакири* «харакири, вспарывание живота» (этимологически «живот» + «резать»), 綱渡り *цунаватару* «хождение по канату» (этимол. «канат» + «переходить»), 幅跳び *хабатоби* «прыжки в длину» (этимол. «ширина» + «прыгать»), 物思い *моноомои* «задумчивость», «беспокойство» (этимол. «вещи» + «думать»). Это касается и сложных слов смешанного типа, например: 記録破り *кирокуябури* «побитие рекорда» (этимол. «рекорд» + «порвать»); サラダ作り *сарададзукуру* «изготовление салата» (этимол. «салат» + «создавать»).

Как мы показали выше, лексико-семантические свойства сложных слов зависят от исконных грамматических свойств компонентов, их образующих. Так, в китайском языке «фактически без исключения являются существительными сложные слова с атрибутивным отношением между компонентами при втором именном компоненте» [11, с. 117]. Это происходит «в силу того, что этот главный именной компонент является сам по себе существительным. Именно он определяет грамматическое поведение сложного слова в речи и его категориальную принадлежность» [11, с. 118]. Это в основном справедливо и для японского языка: китаизмы с финальным опорным именным компонентом – 芸者 *гэйся* «гейша», 軍人 *гундзин* «военный», 血管 *кэккан* «кровеносный сосуд», 電気 *дэнки* «электричество», 記念碑 *кинэнхи* «монумент», 教科書 *кё:касё* «учебник» и т. д. – обычно функционируют как существительные. Именные КАНГО неспособны принимать «вербализатор» -СУРУ. Впрочем, японский язык в области вербализации имен более гибок, чем китайский, и обнаруживаются исключения из описанного правила, хотя и не очень многочисленные, например, 工夫する *куфу:-суру* «изобретать, придумывать», 音楽する *онгаку-суру* «музыцировать» (Ср.: 指揮棒のとおりに楽器を弾くだけではいい音楽はできないでしょ。音楽する心がなくちゃ *Сикибо:-но то:ри-ни гакки-о хику дакэ-дэ ва ий онгаку ва дэкинай дэсё. Онгаку-суру кокоро-га накутя* «Хорошая музыка ведь не возникает только из того, что (некто) играет на инструменте в соответствии с движениями дирижёрской палочки! Музыцирующее сердце необходимо!» [20]).

По свидетельству авторов «Теоретической грамматики современного китайского языка» [11], в китайском языке «всегда являются существительными сложные слова, состоящие из двух именных компонентов с парной или копулятивной связью, например, 父母 *фуму* «родители» (букв. «отец» + «мать») 朋友 *пэнью* «друг, приятель» (букв. «друг» + «приятель»)» [11, с. 118]. Это справедливо и для японского языка. Подобные китаизмы (姉妹 *симай* «сёстры», 形態 *кэйти* «форма», 人民 *дзиммин* «народ», 父母 *фубо* «отец и мать») и в японском языке функционируют в качестве существительных и не способны принимать «вербализатор» -СУРУ.

Иными свойствами в китайском языке обладают сложные слова, созданные по копулятивной модели из глагольных компонентов (生产 *шенчань* «производить», «производство», 代表 *дайбяо* «представлять», «делегат, представитель») [11, с. 119]. «Отличительная черта этих слов состоит в том, что, будучи по происхождению глаголами, эти сложные слова регулярно в порядке конверсии образуют существительные, которые представляют собой конверсионные омонимы по отношению к породившим их глаголам (шенчань «производить» и шенчань «производство» и т. д.)» [11, с. 119–120]. Соответственно, и в японском языке КАНГО,

состоящие из копулятивных сочетаний глагольных корней – 闘争 *то:со:* «бороться», «борьба», 戦争 *сэнсо:* «воевать», «война», 生活 *сэйкацу* «жить», «жизнь» – по законам конверсионной омонимии могут функционировать и в качестве имен, и в качестве омонимичных этим именам глаголов, способных присоединять «вербализатор» -СУРУ.

Обобщая последние тезисы, мы можем сказать, что и в китайском, и в японском языках 1) сложные слова (КАНГО – в японском) с атрибутивной связью компонентов и опорной именной частью обычно функционируют как существительные; 2) копулятивные (сочинительные) КАНГО глагольного типа, а также глагольно-объектные КАНГО благодаря своим составным элементам обладают предикативными (глагольными) свойствами. Поэтому они способны функционировать в качестве глаголов, которые могут в результате конверсионной номинализации функционировать и в качестве имен.

Как видим, грамматические (функционально-семантические) свойства КАНГО определяются преимущественно имманентными свойствами составляющих их компонентов и, в общем, соответствуют нормам китайской грамматики. Так называемый «вербализатор» -СУРУ [1, с. 400–405] не столько придает КАНГО глагольно-предикативные свойства, сколько объективирует их. Как правило, он присоединяется к сложным КАНГО, уже имеющим глагольные свойства, и обычно не присоединяется к сложным КАНГО, не имеющим вышеназванных свойств. В письменно-книжном языке использование -СУРУ не обязательно. Такие формы регулярно используются в газетных заголовках и рекламных текстах [5], требующих лаконичности, например: 1) 再稼働の前提、電気代を算出 *Сайкадо:-но дзэнтэй, дэнкидай-о сансюцу* «Предпосылкой возобновления работы (атомной электростанции) является проведенная калькуляция тарифов стоимости электроэнергии» [21]; 2) 当社は初めてご利用の方限定 *То:ся ва хадзимэтэ го-риё:-но ката гэнтэй* «(Это предложение) нашей компании предназначено исключительно для новых клиентов!» (из коммерческой рекламы 2023 г.).

В приведенных примерах выделенные китаизмы фигурируют в качестве предикативных компонентов высказываний. В первом примере имеется прямое дополнение, а во втором – косвенное с супрессированной граммемой *-ни* (に). Эти дополнения объективируют глагольные свойства предикативных компонентов высказываний. Авторы «Теоретической грамматики японского языка» [1] объясняют подобные примеры «опущением» -СУРУ «в текстах экспрессивного характера» [1, с. 405], однако в корпусе японского языка «Тюнагон» [20] можно найти немало примеров, в которых трудно усмотреть «опущение» или эллипсис «вербализатора» -СУРУ, например: 1) 蜷川は秋、ロンドンで英国人俳優により『ハムレット』を上演。宮本亜門は日本人演出家として初めてブロードウェイに進出、話題になった *Нанигава ва аки, Лондон-дэ эйкокудзин хайю:-ни ёри Хамурэтто-о дзё:эн. Миямото Амон ва нихондзин энсюцука-то ситэ хадзимэтэ Буро:доуэ:-ни синсюцу, вадай-ни натта.* «Нанигава осенью поставил в Лондоне «Гамлета» с английскими актерами; Амон Миямото первым из японских режиссёров вышел на Бродвей и стал предметом для разговоров»; 2) 国民全体が敗戦を心配、軍の無策、無謀、無責任を考え始める *Кокумин дзэнтай-га хайсэн-о симпай, гун-но мусаку, мубо:, мусэкинин-о кангаэхадзимэру* «Вся нация беспокоится о (возможном) поражении и начинает задумываться о бездействии, безрассудстве и безответственности военных»; 3) ...その一方の側に教職員が整列、9時の所へ時計の針が進むのを待っている *Соно иппо:но гава-ни кё:сёкуин га сэйрэцу, кудзин-но тогоро-э токэй-но хари-га сусуму-но-о маттэ иру.* «А на другой стороне преподаватели и сотрудники выстраиваются в ряд, ожидая, когда стрелки часов покажут 9 (утра)». Выделенные

КАНГО в трёх последних примерах обладают предикативными свойствами в силу своих имманентных свойств, а не благодаря подвергнувшемуся эллипсису «вербализатору» -СУРУ.

В соответствии с их семантикой, синтаксическими функциями и имманентными свойствами структурных компонентов сложные КАНГО современного японского языка могут быть представлены в виде следующих пяти функционально-семантических классов (частей речи) (табл. 2).

Таблица 2

Функционально-семантические классы КАНГО современного японского языка

№	Функционально-семантические классы КАНГО	Подклассы КАНГО и конкретные примеры
1.	Именные КАНГО (не могут быть вербализованы, не принимают «вербализатор» -СУРУ)	a. Атрибутивные: 半島 <i>ханто</i> : «полуостров», 太陽 <i>тайё</i> : «солнце», 同僚 <i>до:рё</i> : «коллеги», 大陸 <i>тайрику</i> «континент»; b. Копулятивные: 男女 <i>дандзё</i> «мужчины и женщины», 矛盾 <i>мудзюн</i> «противоречие», 可否 <i>кахи</i> : «плюсы и минусы», 善惡 «добро и зло»
2.	Глагольные КАНГО (могут быть предикативным компонентом высказывания, принимают «вербализатор» -СУРУ, могут быть номинализованы, образуя конверсионные омонимы глагольных КАНГО)	a. Процессуально-объектные: 出勤 <i>сюккин</i> «выходить на работу» и «выход на работу», 切腹 <i>сэнтюку</i> «делать харакири» и «харакири»; b. Объектно-процессуальные: 心配 <i>симпай</i> : «беспокоиться» и «беспокойство», 詩作 <i>сисаку</i> «сочинять стихи» и «сочинение стихов»; c. Копулятивные: 闘争 <i>то:со</i> : «бороться» и «борьба», 思考 <i>сико</i> : «мыслить» и «мышление», 生活 <i>тайё</i> : «жить» и «жизнь»; d. «Результативные»: 説明 <i>сэцумэй</i> «объяснять» и «объяснение», 革新 <i>какусин</i> «обновлять» и «обновление», 改善 <i>кайдзэн</i> «усовершенствовать» и «усовершенствование»
3.	Адъективные КАНГО (не могут быть вербализованы, не принимают -СУРУ)	綺麗(な) <i>кирёй(на)</i> «красивый», 広大(な) <i>ко:дай(на)</i> «обширный», 明白 (な) <i>мэйхаку(на)</i> «ясный», 膨大 (な) <i>бо:дай(на)</i> «огромный»
4.	Адвербиальные КАНГО (не могут быть вербализованы, не принимают -СУРУ)	多少 <i>тасё</i> : «много или мало»; 勿論 <i>мотирон</i> «конечно», 絶対 <i>дзэттай</i> «обязательно, непременно»
5.	Междометные КАНГО (не могут быть вербализованы, не принимают -СУРУ)	嗟乎 <i>а</i> : «Ах!», 畜生 <i>тикусё</i> : «Чёрт возьми!»

Первый класс китаизмов японского языка – это именные КАНГО. Они представлены двумя подклассами – атрибутивным и копулятивным в соответствии с ранее выделенными типами структурных моделей китаизмов японского языка. Именные КАНГО, как правило, не могут быть вербализованы и, соответственно, не способны присоединять «вербализатор» -СУРУ.

Второй класс состоит из четырёх подклассов КАНГО. Это объектно-процессуальные, процессуально-объектные, копулятивные и «результативные» КАНГО. Они могут быть предикативным компонентом высказывания и выполнять глагольные функции, и поэтому могут

принимать «вербализатор» -СУРУ. В результате номинализации из них образуются именные КАНГО, являющиеся конверсионными омонимами вербальных.

Адъективные, адвербиальные и междометные КАНГО, составляющие следующие три класса китаизмов японского языка, также лишены глагольных свойств и неспособны принимать «вербализатор» -СУРУ.

Описанные категориальные свойства КАНГО могут проявляться в различных грамматических явлениях, например в выборе модели словообразования в следующих словообразовательных рядах обозначения лиц: КАНГО + -НИН/-ДЗИН (в письменной форме речи два «полуаффикса» [11, с. 115] записываются одной и той же графемой 人):

1) 外国人 *гайкокудзин* «иностранец», 宇宙人 *утю:дзин* «космический пришелец», 社会人 *сякайдзин* «полноправный член общества», 芸能人 *гэйно:дзин* «артист эстрады, шоумен» (как следует из примеров, в именных КАНГО используется «полуаффикс» -ДЗИН);

2) 管理人 *канринин* «управляющий, заведующий», 支配人 *сихайнин* «управляющий, заведующий, распорядитель», 世話人 *сэванин* «посредник, распорядитель», 保証人 *хосё:нин* «гарант», 案内人 *аннайнин* «проводник, гид», 仲介人 *тю:кайнин* «посредник» (как следует из примеров, в глагольных (акцидентных) КАНГО используется «полуаффикс» -НИН).

Н.И. Конрад в «Синтаксисе японского национального литературного языка» писал: «...с давних пор японский язык перестал быть чисто японским, он стал понемногу – по линии лексики – превращаться в японо-китайский» [8, с. 34]. Учитывая приведенные в этом опусе языковые факты, мы можем к этому добавить, что вместе с КАНГО при посредстве КАМБУНа и СО:РО:БУНа японский язык приобрел и значительный арсенал средств китайской грамматики, которые стали неотъемлемой частью письменно-книжных стилей японского языка и сегодня обеспечивают функционирование КАНГО в нём.

Заключение

За столетия существования под сенью китайской цивилизации многие явления материальной и духовной культуры Китая стали достоянием японского народа. А в японский язык вошли многочисленные лексические и грамматические заимствования из китайского языка. И в современном японском языке составные элементы китаизмов – КАНГО (漢語) сохраняют свои многие исконные функционально-семантические и грамматические свойства; их функционирование в японском языке в общем соответствует правилам китайской грамматики. В некоторых случаях грамматическая структура КАНГО даже противоречит основополагающим принципам японской грамматики (например, наличие процессуально-объектных КАНГО с постпозицией зависимого компонента).

КАНГО как абсолютно органично включенные в систему японского языка единицы используются японцами творчески, и в письменно-книжной форме современного японского языка создаются все новые и новые слова, образованные по китайским моделям [12, 7]. Их функционирование в японском языке неразрывно связано не только с китайскими иероглифами и китайской грамматикой, но и с китайской эстетикой, историей и культурой. Это в наибольшей степени относится к протокитайским фразеологическим композитам, мы не имели возможности в должной мере рассмотреть их в этой работе из-за ограниченности печатного пространства.

Список литературы

1. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. Кн. 1. М.: Наталис, 2008. 559 с.
2. Головнин И.В. Грамматика современного японского языка. М.: Изд-во МГУ, 1986. 318 с.
3. Горелов В.И. Лексикология китайского языка. М.: Просвещение, 1984. 216 с.
4. Дыбовский А.С. Привлекательность западных идеалов // Россия и АТР. 1996. № 3. С. 97–102.
5. Дыбовский А.С. Заметки о языке рекламы в Японии // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1996. № 3. С. 192–207. EDN: HKZOUX
6. Дыбовский А.С. О дискурсивных особенностях использования западных заимствований в современном японском языке (новая редакция) // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5, № 4. С. 119–135. EDN: EUUVDY
7. Дыбовский А.С. Японский язык как арена столкновения цивилизаций // Дальневосточный филологический журнал. 2023. Т. 1, № 4. С. 17–30. <https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30>
8. Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937. 375 с.
9. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. М.: Живой язык, 2002. 351 с.
10. Пашковский А.А. Слово в японском языке / под ред. И.Ф. Вардуля. М.: URSS, 2006. 207 с.
11. Солнцева Н.В. Солнцев В.М. Теоретическая грамматика современного китайского языка (проблемы морфологии). Курс лекций. М.: Военный институт, 1979. 151 с.
12. BCC语料库 – 北京语言大学 (Корпус BCC – Пекинский университет языков). URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (дата обращения: 13.01.2024).
13. Hoang Thi Cham / 21 世紀の日本語新語における漢語的要素 (Элементы КАНГО в неологизмах японского языка в 21 веке) / 2020 修士論文 (Магистерская диссертация). URL: http://repository.vnu.edu.vn/handle/VNU_123/89428 (дата обращения: 02.12. 2023).
14. Jardic / Japanese Dictionaries. URL: http://www.jardic.ru/index_r.htm (дата обращения: 14.01.2024).
15. オークション代行-まるオク (Маруоку как сетевой аукцион). URL: https://www.im-reachpac.org/maruoku_auction_syosinnsya/ (дата обращения: 14.01. 2024).
16. 在大阪ロシア総領事館 (Генеральное консульство России в Осака). URL: <https://www.google.com/search?client=firefox-b-d&q=③+在大阪ロシア総領事館> (дата обращения: 14.01. 2024).
17. ゼロから学ぶ中国語 / 初級で習う89個の文法を完全解説 (Китайский язык изучаем с нуля / Полный комментарий 89 грамматических правил, изучаемых на начальном уровне обучения). URL: <https://youtu.be/JYGaOXh02QE?si=pOOGXARWndSvhT4t&t=1331> (дата обращения: 13.01. 2024).
18. 大 (БКРС / Большой китайско-русский словарь). URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 13.01. 2024).

19. 「於」の読み方について (О чтении иероглифа「於」). URL: <https://oshiete.go.jp/qa/38928.html> (дата обращения: 14.01. 2024).
20. 中納言コーパス検索アプリケーション (Корпус японского языка “Тюнагон” / Поисковое приложение). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search> (дата обращения: 12.01. 2024).
21. 『東京新聞』2023年1月24日 («Токийская газета». 24 января 2023 г.).

References

1. Alpatov V.M., Arkadyev P.M., Podlesskaya V.I. Theoretical Grammar of the Japanese Language. Book 1. Moscow, Natalis Publ., 2008. 559 p. (In Russ.).
2. Golovnin I.V. Grammar of the Modern Japanese Language. Moscow, Moscow State University Publishing House, 1986. 318 p. (In Russ.).
3. Gorelov V.I. Lexicology of the Chinese Language. Moscow, Enlightenment Publ., 1984. 216 p. (In Russ.).
4. Dybovsky A.S. Attractiveness of Western Ideals. *Russia and the Pacific*. 1996, no. 3, pp. 97–102. (In Russ.).
5. Dybovski A.S. Some notes concerning the language used in commercial advertisements in Japan. *Oriental Institute Journal*. 1996, no. 3, pp. 192–207. (In Russ.).
6. Dybovsky A.S. On the discursive features of the use of western borrowings in modern Japanese. *Pedagogy: history, prospects*. 2022, vol. 5, no. 4, pp. 119–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/2949-2580/2023-4/17-30>
7. Dybovsky A.S. The Japanese language as an arena of civilizational clash. *Far Eastern Philological Journal*. 2023, vol. 1, no. 4, pp. 17–30. (In Russ.).
8. Konrad N.I. Syntax of the Japanese National Literary Language. Moscow, 1937. 375 p. (In Russ.).
9. Lavrentiev B.P. Practical Grammar of the Japanese Language. Moscow, Living Language Publ., 2002. 351 p. (In Russ.).
10. Pashkovskiy A.A. Word in the Japanese Language. Ed. by I.F. Vardul'. Moscow, URSS Publ., 2006. 207 p. (In Russ.).
11. Solntseva N.V., Solntsev V.M. Theoretical Grammar of the Modern Chinese Language (Issues of Morphology). Lecture Course. Moscow, Military Institute Publ., 1979. 151 p. (In Russ.).
12. BCC Corpus – Beijing Language and Culture University URL: <http://bcc.blcu.edu.cn/> (accessed: 13.01.2024). (In Chin.).
13. Hoang Thi Cham / 21 seiki no Nihongo shingo ni okeru kangoteki yōso (Elements of KANGO in Neologisms of the Japanese Language in the 21st Century) / 2020 Master's Thesis. URL: http://repository.vnu.edu.vn/handle/VNU_123/89428 (accessed: 02.12.2023). (In Jap.).
14. Jardic / Japanese Dictionaries. URL: http://www.jardic.ru/index_e.htm (accessed: 13.01.2024).
15. Ōkushon daikō – Maru Oku (Maru Oku: Auction Agency). URL: https://www.impeachpac.org/maruoku_auction_syosinnsya/ (accessed: 14.01.2024). (In Jap.).
16. Zai Ōsaka Roshia Sōryōjikan (Consulate General of Russia in Osaka). URL: <https://www.google.com/search?client=firefox-b-d&q=③+在大阪ロシア総領事館> (accessed: 14.01.2024). (In Jap.).

17. *Zero kara manabu Chūgokugo / Shokyū de narau 89-ko no bunnō o kanzen kaisetsu* (Learning Chinese from Zero. Comprehensive Commentary on 89 Grammatical Rules Studied at the Beginner Level). URL: <https://youtu.be/JYGaOXh02QE?si=pOOGXARWndSvhT4t&t=1331> (accessed: 13.01.2024). (In Jap.).

18. *Dà BKRS / Big Chinese-Russian Dictionary*. URL: <https://bkrs.info/> (accessed: 13.01.2024).

19. "於" *no yomikata ni tsuite* (On the Reading of the Kanji Character "於"). URL: <https://oshiete.goo.ne.jp/qa/38928.html/> (accessed: 14.01.2024). (In Jap.).

20. *Chūnagon-kōpasu kensaku apurikēshon* (Japanese Language Corpus "Tunagon" / Search Application). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/bccwj-nt/search/> (accessed: 12.01.2024). (In Jap.).

21. "Tōkyō *shinbun*" 2023-nen 1-gatsu 24-nichi ("The Tokyo Newspaper". January 24, 2023.) (In Jap.).

Статья поступила в редакцию / Received 11.03.2024

Одобрена после рецензирования / Revised 29.03.2024

Принята к публикации / Accepted 04.04.2024